

Карина Сарсенова

ИЗБРАЩИЙ

**Интервью
с легендарными
современниками**

Выпуск II

Карина Рашитовна Сарсенова

Избранный. Интервью

с легендарными

современниками. Выпуск 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109773

Избранный (Интервью с легендарными современниками). Вып. II /

Карина Сарсенова: Грифон; Москва; 2020

ISBN 978-5-98862-549-0

Аннотация

Во многом люди, наделённые самыми разными талантами, определяют судьбы человечества. Нам приходится жить одновременно с личностями, которые находятся вне времени, вне эпохи: они идут впереди, транслируя будущее. Творческие люди – нестандартные, особенные, можно сказать – избранные. Но нелегко быть по-настоящему творческим человеком!

О своей жизни, достижениях и планах рассказывают знаменитые и именитые собеседники блистательной Карины Сарсеновой. Среди них такие величины, как режиссёр Сара Уилсон (США), режиссёр и актриса Вероника Насальская, певец, продюсер и композитор Парвиз Назаров, сценарист, режиссёр документального кино Валерий Картун, актёр театра и кино Сергей Уфимцев (Казахстан); дизайнеры Кэти Чхиквадзе,

Леван Ламинашвили и Луарсаб Тогонидзе (Грузия), Сергей Шабунин (Казахстан); писатель Эльчин Сафарли (Азербайджан), художник Елена Глушкова (Россия), мастер икебаны Светлана Сарсенова (Россия), биолог Эмилия Коломиец (Беларусь), генетик Валерий Даниленко (Россия), врач-кинезиолог Евгений Быковских, репродуктолог Вячеслав Локшин (Казахстан) и многие другие.

Необходимо развивать свои творческие побуждения, следовать им – и найти путь в жизни, путь к собственной душе. Именно на этом пути – счастье, здоровье, процветание!

Содержание

Эмилия Коломиец	5
Сара Уилсон	17
Ливан Ламинашвили	27
Луарсаб Тогонидзе	36
Сергей Шабунин	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Карина Сарсенова Избранный. Интервью с легендарными современниками. Выпуск II

**Эмилия Коломиец
профессор, доктор биологических
наук, заслуженный деятель
Республики Беларусь**

Карина Сарсенова

– Эмилия Ивановна, добрый вечер! Я очень рада знакомству с вами! Общение с учёными вдохновляет! Без них современный мир зайдёт в тупик. Расскажите, пожалуйста, что такое биотехнологии?

Эмилия Коломиец

– Биотехнологии – это очень широкая сфера. Она начинается с изучения гена, с изучения клетки и включает в себя микробные технологии. Я специалист в области микробных технологий, хотя можно сказать, что технология гена входит в состав микробных технологий. Микроорганизм – то, что

мы видим под микроскопом, и мы умеем подправить его генетику и получить целевой продукт, который приносит пользу человеку. Это очень здорово. Получается выполнять много функций, совмещать и организаторские, и научные работы. Директор института должен заниматься абсолютно всем. Но это даёт силы, поскольку ты открываешь неведомые аспекты неисследованного мира. Микробные технологии приносят пользу, потому что можно создавать новые лекарства в здравоохранении, воплощать новые идеи в химической промышленности, биоэнергетике. И в сельской промышленности давно настало время применять альтернативные препараты, заменять химию, очищать от неё почву. Мы, как микробные биотехнологи, востребованы и в этой отрасли. Да и вообще во всех областях, в том числе в области биоэкономики.

Карина Сарсенова

– Вы говорите, что ваша работа – это восстановление и сохранение баланса между микроорганизмами?

Эмилия Коломиец

– Когда-то считали, что химия – это панацея. Но в результате этого погибли биоценозы. Закон об органическом сельском хозяйстве не смог бы действовать, если бы не создание наработок, в том числе и нашим институтом.

Карина Сарсенова

– Какие наработки создал ваш институт?

Эмилия Коломиец

– Органическое сельское хозяйство предполагает не использование пестицидов и генномодифицированных культур. Оно должно быть абсолютно чистым. А микробные препараты делают своё дело без ущерба окружающей среде. И на выходе мы получаем продукты, пусть не такие красивые, как с применением химии, но зато качественные и безвредные. Микроорганизмы непредсказуемы. Мы занимаемся непатогенными микроорганизмами. Они могут использоваться в экономике.

Мы выделяем штаммы из рубца животных, но не всегда получается их изолировать и оценить. Они проверяются на опытных полях.

Карина Сарсенова

– Биологические полигоны!

Эмилия Коломиец

– Да, полигоны! На них годами испытывается культура, годами! Все аспекты сразу изучить сложно. Тут влияет сама культура водоёма и почвы. Учёные стараются предвосхитить все моменты на стадии исследования. Без проверки полигона, полевых условий мы никогда не выходим. Но если приходим к решению, что в геном ничего вносить не нужно, но следует создать синтез нужного метаболизма, то так и делаем. Это улучшает ген и производительность процесса.

Карина Сарсенова

– А что значит: произвести коррекцию гена?

Эмилия Коломиец

– Продуцируются вещества, можно простимулировать их синтез воздействием определённых модуляторов. Но без полигона, без проверки полевых условий мы никуда не выходим и в геном ничего не вносим. Но если обнаруживаем, что синтез чем-то сдерживается, например, геном, то делаем его коррекцию. Это обычная работа, которая может повысить производительность процесса.

Карина Сарсенова

– То есть можно сделать яблоко более сладким?

Эмилия Коломиец

– Мы с яблоками не работаем. Например, нужен антибиотик. И в каждом случае требуется вмешательство, чтобы повысить качество на выходе целевого продукта. И мы это делаем. Штамм при этом не меняется, геном не меняется. Правда, у нас в республике есть генномодифицированные козы. Это плод совместного труда России и Беларуси. Им внесли ген, отвечающий за синтез лактоферрина в женском молоке. Наш институт не работал по созданию этих коз. Но далее нужно было получать лактоферрин из их молока. У нас есть установка, где мы его получаем.

Карина Сарсенова

– А где он используется?

Эмилия Коломиец

– Лактоферрин – это белок женского молока, который повышает иммунитет ребёнка.

Карина Сарсенова

– Он необходим при искусственном вскармливании!

Эмилия Коломиец

– Да, его можно внести в биодобавки. Но мы столкнулись с проблемой. Он считается генномодифицированным, и его сложно куда-то внести. На самом деле козы генномодифицированы. А от коз мы получаем молоко. А из молока – белок. Белок с совершенно определённой структурой, который соответствует исходному белку.

Карина Сарсенова

– То есть молоко от ваших коз идентично молоку коз обычных?

Эмилия Коломиец

– Да, идентично!

Карина Сарсенова

– Генномодифицированные микроорганизмы могут приносить в природу больше вреда, нежели пользы. Например, остро стоит проблема последствий от разливов нефти в океанах в результате аварий на танкерах. И американские учёные создали генномодифицированную бактерию, которая очень быстро перерабатывает нефть. Но в результате она снова, уже в естественных условиях, мутирует и воздействует на синезелёные водоросли. А те, в свою очередь, воздействуют на людей, вызывая у них почти неизлечимые кожные заболевания. Есть ли у науки альтернативные методы борьбы с такими последствиями?

Эмилия Коломиец

– Мы занимаемся непатогенными микроорганизмами. Предвосхитить все их свойства невозможно, необходимо долгое и тщательное изучение. Для того чтобы получить один промышленный штамм, мы работаем со множеством изолятов. И опасность, конечно же, существует. Культура должна быть изучена в лабораториях, должны быть соблюдены все нормативы – это безусловно. И только после тщательной экспертизы микрокультура может быть вынесена в открытый грунт. В вашем примере, возможно, повлияла сама культура водоёма. Учёные стараются предвосхитить все моменты на стадии лабораторного исследования. А подкорректировать ген – это необходимая работа для улучшения результата.

Алихан Мусатаев

– Эмилия Ивановна, у вас огромное количество патентных работ!

Эмилия Коломиец

– Патентных много! У меня действительно очень много разработок, которые внедрены и используются. Моя лаборатория занимается разработкой препаратов для сельского хозяйства – дезинфектантов, это комплексные препараты, содержащие 6–7 видов микробов, которые разлагают остаточное сырьё в почве, повышают плодородие почвы, борются с патогенами и сразу дают хороший результат.

Карина Сарсенова

– Патогены – это заболевания растений, например, гриб-

ки?

Эмилия Коломиец

– Да!

Карина Сарсенова

– А может ли дезинфекция распространиться на насекомых-вредителей и млекопитающих?

Эмилия Коломиец

– Дезинфекция – это, в основном, борьба с микробами. Существуют патогены, очень глубоко, на глубине 20–30 см в зданиях. А антагонисты – микроорганизмы – заполняют эти поры и уничтожают бактерии, вызывающие заболевания животных. Такие обработки вирусами, убивающими патогенные бактерии, применяются и в больницах. Говоря о деструкции нефти, у нас есть негенномодифицированные препараты, которые очень хорошо работают для её разложения.

Карина Сарсенова

– Негенномодифицированные – это природные?

Эмилия Коломиец

– Природные, не тронутые человеком микроорганизмы. Мы просто делаем из них консорциумы. Микробы должны дополнять друг друга. Они вместе сосуществуют, и каждый выполняет свою функцию. Один поддерживает другого. Это не полный симбиоз, но сплочённый консорциум.

Карина Сарсенова

– Они могут жить отдельно друг от друга?

Эмилия Коломиец

– Могут. Но, сосуществуя вместе, они дополняют друг друга. Эти препараты очень востребованы. В Китае мы работали в прошлом году в течение трёх месяцев. Мы производили препарат, адаптированный к китайским условиям. Правительство их провинции принимало результат – овощи, дегастировали томаты, и вкусовые качества томата были лучшими! И теперь правительство предложило проект в открытом грунте!

Алихан Мусатаев

– И вас наградили...

Эмилия Коломиец

– Да, вручили орден на берегу Жёлтого моря! И у нас есть два диплома о том, что мы лучшие зарубежные эксперты.

Алихан Мусатаев

– Эмилия Ивановна, что вы посоветуете молодым учёным?

Эмилия Коломиец

– Чтобы у человека был интерес к работе, ему надо дать эту работу. У нас молодёжь не уходит из института, здесь есть необходимое оборудование для самых современных исследований. Студентам не надо ничего искать. Вот твоя курсовая, твоя дипломная, твоя кандидатская. Их ты уже развиваешь сам.

Карина Сарсенова

– Вы работаете с антибиотиками. Антибиотики применяются в разведении крупного и мелкого рогатого скота,

на птицефабриках. Но это вредно для людей! Развивается невосприимчивость к антибиотикам, болезни, повышается смертность.

Эмилия Коломиец

– Мы не выделяем антибиотики в чистом виде. Мы с ними боремся! Антимикробные микроболиты не вызывают устойчивость к антибиотикам. Наши микробы вызывают рост иллунитета и столько всего полезного... Они оздоравливают, они заменяют антибиотики, если принимать их вовремя и профилактически! Это альтернатива антибиотикам! Мы построили цех в институте для производства сухих препаратов и замены антибиотиков в кормах.

Карина Сарсенова

– Эти препараты будут добавляться в комбикорм?

Эмилия Коломиец

– В комбикорм, да.

Карина Сарсенова

– На выходе будет появляться более здоровое мясо?

Эмилия Коломиец

– Да. И антибиотики там тестироваться не будут. Сейчас мы ориентируемся на Турцию. Они за свой счёт зарегистрировали наш пробиотик в Турции. И потом мы начнём поставку большой партии препарата. Есть план построить в Беларуси завод, который будет осуществлять поставку в Турцию. Экспортный потенциал хороший, особенно у сухих форм.

Карина Сарсенова

– Как обстоит дело с рыбной индустрией?

Эмилия Коломиец

– Наши препараты прекрасно очищают водоёмы. Мы очищаем воду от всех вредных примесей.

Карина Сарсенова

– Могут ли бактерии разлагать радиацию?

Эмилия Коломиец

– Грибы аккумулируют радиацию и способны её абсорбировать. Но их тоже надо утилизировать. У нас есть институт радиационной биологии. Он занимается этими вопросами.

Карина Сарсенова

– А космическая область? Я слышала, что в космосе пытались выращивать зёрна пшеницы и ржи, но они погибли из-за переохлаждения. А если к вам обратятся за помощью?

Эмилия Коломиец

– Мы тоже думали запустить в космос штаммы микроорганизмов в пробирках. Надо посмотреть, как они будут себя вести, когда вернутся. Ко мне обращались люди, в этом заинтересованные, и предлагали такой эксперимент. Но мы ещё не обдумали все детали. Если у нас будет запускаться спутник, мы подготовим материал для изучения его в космосе. Это же важно!

Карина Сарсенова

– Можно ли микроорганизмы использовать при уборке помещений и мытье посуды? Посыпал порошка – и посуда чистая, и микробы сытые!

Эмилия Коломиец

– Мы работаем на опережение! Мы заявили проект по созданию пробиотических чистящих средств. Возьмём, к примеру, самолёт. Сколько там нужно чистящих средств. Или метро. Кондиционеры. Очень важно для них использовать средства. Пятикурсник, наш студент, занимается разработкой этих средств. Микроорганизм будет продуцировать фермент, нужный для очистки, и будет убивать микроорганизмы. Пройдёт лет пять, и продукт будет существовать. В очистные сооружения, в биотуалеты мы также поставляем разработанные нами препараты. У нас есть интернет-магазин, где можно ознакомиться с продукцией.

Карина Сарсенова

– Какими ещё разработками вы гордитесь?

Эмилия Коломиец

– У нас много важных разработок. Например, биоповреждения. Когда рушатся здания от тех же микроорганизмов, пропадают исторические памятники, книги. И здесь у нас непечатый край работы. Мы выделяем микроорганизмы, которые вызывают разрушение зданий и книг. Мы боремся с плесенью. Это очень важная работа.

Моя мечта – биоэнергетика. Сейчас штаммы микроорганизмов более активные. Сначала были микробиологические производства. Потом промышленность стала химической. Затем сырьё открылось как возобновляемое. Везде ставят биогазовые установки. Но как эффективно они работа-

ют? Что останавливает метановое брожение? И птичий навоз, и отходы молочной промышленности – всё сбрасывается. Из этого делается биогаз. Возле птичника ставят газовые установки. Мы хотим предвосхитить проблему отсутствия газа.

Карина Сарсенова

– Эмилия Ивановна, спасибо вам за ваше знание, за открываемые перспективы!

Эмилия Коломиец

– Уверена, что нас ведут по жизни! Я слушаю этот ведущий меня голос и доверяю ему! Мне подсказка приходила всегда с детства. Когда над проблемой думаешь, тебе обязательно приходит помощь. Никогда не верила, что смогу руководить институтом. Но меня вели – и я доверилась этому ведению!

Карина Сарсенова

– Эмилия Ивановна, о чём вы мечтаете?

Эмилия Коломиец

– Наука – это единение всех учёных! У нас есть контакты с разными странами мира. И через эти контакты ты понимаешь, правильно ли ты идёшь, в нужном ли направлении. Надо шире смотреть на вещи, через общение, через практику.

Карина Сарсенова

– Я вам желаю воодушевляющего успеха! Благодаря вам наука Евразии движется вперёд! Спасибо за откровение, что означает счастье – быть учёным!

Сара Уилсон

режиссёр

Карина Сарсенова

– Добрый вечер, дорогие друзья. Единственный язык, доступный для понимания всеми нами, к какой бы семантической группе мы бы ни принадлежали, это язык искусства. Искусство крайне важно, просто необходимо на каждом этапе развития человечества. И сегодня мы рады приветствовать на нашей передаче «Избранный» красивую и очень талантливую девушку, которая развивает искусство на международном уровне, – режиссёра Сару Уилсон.

Сара Уилсон

– Добрый вечер.

Антон Митнёв

– Сара, как вы оказались у нас?

Сара Уилсон

– Пять лет назад мой друг позвонил и сказал: «Сара, ты хочешь приехать в Казахстан?» Я ответила: «Почему бы и нет?» Я приехала и полюбила эту страну. И начала создавать видеоролики в коротком формате. И сняла полнометражный фильм со студентами. Премьера состоится на фестивале в Лос-Анджелесе.

Карина Сарсенова

– Фильм о Казахстане?

Сара Уилсон

– Да.

Карина Сарсенова

– Фильм с сюжетом или документальный?

Сара Уилсон

– Это ужасы. Но рассказывающие о любви.

Антон Митнёв

– А почему вы выбрали именно Казахстан?

Сара Уилсон

– Это необъяснимая любовь к вашей стране, к людям. Люди классные. Их отношения классные, их истории красивые. У каждого есть замечательная история, которую он хотел бы рассказать всему миру. В Америке все истории складываются по одному сценарию.

Карина Сарсенова

– То есть в Голливуде кризис сценариев?

Сара Уилсон

– Да, такое есть. Нужно спасти Голливуд.

Антон Митнёв

– Я видел кадры из вашего фильма, и они удивительные.

Вы снимали его с вашей командой?

Сара Уилсон

– Нет, с казахстанской командой.

Антон Митнёв

– У вас образование режиссёра?

Сара Уилсон

– Да. Сначала я училась в театральном вузе. Потом начала писать сценарии. И вдруг решила учиться на режиссуру. Брала классы. Надо постоянно совершенствовать себя. Теперь я ещё и продюсер. И ради того, чтобы увидеть историю воплощённой в кино, я готова на всё. И на то, чтобы кофе приносить, воду.

Карина Сарсенова

– Сара, вы настоящий творческий человек! Вы болеете душой за ваш проект!

Сара Уилсон

– Да, абсолютно.

Антон Митнёв

– А сейчас вы преподаёте?

Сара Уилсон

– Я преподаю в Лос-Анджелесе. Здесь – нет.

Карина Сарсенова

– А почему фильм снят в жанре ужасов?

Сара Уилсон

– Студенты захотели. Фильм малобюджетный. Но выглядит так, будто там огромный бюджет. Мы снимали в роще Баума. Конец зимы, начало весны. Где нам разрешали снимать, там и снимали. В метро снимали. В санатории снимали. Снимали 15 дней. И монтаж делала я сама.

Карина Сарсенова

– Фильм ужаса – о чём он? О демонических силах, при-

зраках, маньяках?

Сара Уилсон

– Кто-нибудь у вас умирал? Я потеряла многих людей. Обычно у всех есть чувство сопротивления, мы не хотим, чтобы эти люди уходили из жизни. Фильм о том, как группа женщин в Казахстане нашла способ, как удержать любимых. И не так много крови...

Карина Сарсенова

– Чем вы хотели научить зрителей?

Сара Уилсон

– Нужно всегда вспоминать мёртвых. В развлекательно-ужасающем виде осуществлён этот посыл. Есть люди, заинтересованные в воплощении моего фильма в телесериал. У меня есть продакшн-компания, и я хотела бы сотрудничать с такой же компанией в Казахстане. Казахстан уже готов работать в этом направлении. Я считаю, люди уже готовы затрагивать эти темы.

Карина Сарсенова

– Темы ужасов? Сара, как вы считаете, это темы эволюции или деградации человечества? Зачем нужен жанр хоррора? Ведь можно подать идею защиты памяти о близких через другой жанр...

Сара Уилсон

– Этот жанр говорит о трансформации, о борьбе со своими основными инстинктами. Плоть конфликтует с духом. В этом посыл всех фильмов ужасов. Принятие монстра внут-

ри себя через трансформацию. В этом сила жанров фильмов вроде «Гарри Поттера».

Карина Сарсенова

– А не боитесь ли вы слишком сильно в процессе съёмок подобного фильма законтактировать с миром мёртвых и обрести не очень приятный результат для вас лично?

Сара Уилсон

– Боюсь. Но если я хочу, чтобы получился хороший фильм, я должна дотронуться до этого ужаса. Бывают тёмные истории, но если пролить на них свет, показать с другой стороны, то получаются хорошие вещи.

Антон Митнёв

– Вы показывали кому-нибудь этот фильм?

Сара Уилсон

– Да, моим друзьям. Я показала им фильм и сказала, что его можно оформить как телесериал.

Антон Митнёв

– И каковы были отклики?

Сара Уилсон

– Был звонок. Я отправила фильм на один фестиваль, но он не прошёл. Однако глава фестиваля позвонил мне лично и сказал, что ему очень понравился этот фильм и он его отправляет на другой фестиваль, оплачивая проживание актёров.

Антон Митнёв

– Как проходил кастинг?

Сара Уилсон

– Роли исполняли актёры и студенты, которых мы посчитали готовыми сниматься в фильмах.

Антон Митнёв

– А съёмочная группа?

Сара Уилсон

– Были профессионалы и полупрофессионалы. Я была режиссёром, сценаристом, контролировала камеру.

Карина Сарсенова

– На каком языке был снят фильм?

Сара Уилсон

– На русском.

Карина Сарсенова

– А на каком языке фильм будет показан?

Сара Уилсон

– Всё на русском с английскими субтитрами. И если будет снят сериал, я бы хотела, чтобы каждую серию снимал молодой казахстанский режиссёр, которому будет предложена помощь в прокладывании себе дороги.

Карина Сарсенова

– С помощью каких спецэффектов была достигнута атмосфера напряжения и ужаса в кадре? В малобюджетных ужастиках она выражается с помощью не визуализации, но звуковых эффектов: скрипнула дверь, где-то шаркнуло... Что было у вас?

Сара Уилсон

– Нагнетание ужаса сделано путём выбора персонажа.

Плюс – очень классный саундтрек.

Карина Сарсенова

– А кто делал саунд-дизайн?

Сара Уилсон

– Казахстанский композитор и аранжировщик. И один звукорежиссёр из России. Но я сама решала, где и какой будет звук. Мелодии были сделаны с использованием казахских инструментов, в том числе домбры. Я экспериментировала со звуком, например, он растягивался задом наперёд.

Антон Митнёв

– Кто ваш любимый режиссёр?

Сара Уилсон

– Стивен Спилберг, Стив Маккуин, Майкл Ханеке, Ларс Фон Триер, Квентин Тарантино. Но я люблю стиль Стенли Кубрика. Он не боялся показывать свои мысли на экране. Обожаю его фильм «Сияние».

Карина Сарсенова

– Сара, вам вообще близок жанр потустороннего отображения реальности. Вы не стремитесь следовать правилам, но стремитесь создавать нечто своё.

Сара Уилсон

– Да.

Антон Митнёв

– Кто ваш зритель?

Сара Уилсон

– Люди, которым нравятся реальные моменты из жизни, которые честны с собой, – они мои зрители.

Карина Сарсенова

– А в вашей жизни есть мистические моменты?

Сара Уилсон

– О да!.. Я встречалась с парнем... Его мать была безумной... Она потеряла мужа и практиковала колдовство, чтобы удержать его душу.

Карина Сарсенова

– Магия вуду?

Сара Уилсон

– Очень похоже на вуду. И когда она бывала в его доме, происходило много странных вещей. В доме держали собаку. Один раз собака сидела под машиной отца и тяжело дышала. Я сказала: «Эй, дружок, ко мне!» Она вышла. Я присела. Собака положила голову мне на колени. Я посмотрела на неё и подумала: «Какая странная собака». Она сидела под машиной отца моего мужчины. И собака не отводила глаза от моих глаз. Вы знаете, если собака смотрит в глаза, она готова напасть, но здесь всё было иначе. Собака повернула свою лапу. И на лапе были следы. Мне стало понятно, что собака очень много пробежала. Я пошла на кухню, где мама моего экс-бойфренда готовила печенье. Я говорю: «У вас собака, дикая собака в гараже». Она отвечает: «Я знаю». Потом я выхожу и даю собаке воды. Она не пьёт. И всю ночь она сидела перед дверью гаража, будто на страже. Утром она

исчезла.

Карина Сарсенова

– Сара, на ваш взгляд, почему казахстанское кино мало-известно в мире?

Сара Уилсон

– У вас в стране не развит институт маркетинга. Надо поддерживать таланты. Голливуд очень хорошо развил маркетинг, продвигает свои фильмы. Например: «Этот фильм изменит твою жизнь». В эти фильмы все верят. В Голливуде верят в их искусство.

Карина Сарсенова

– Откуда берётся эта вера? Америка – страна, возникшая на сплаве многих народов. Откуда такая любовь к своему искусству, вне борьбы за искусство того или иного народа?

Сара Уилсон

– Это менталитет. В одиночку не справиться. Важна командная работа. В Казахстане все хотят быть начальниками. И это проблема. В такой атмосфере не родится настоящая работа. Я сама могу сделать многое. Надо друг друга уважать. Режиссировать и выносить мусор – я всё умею. Надо перестать показывать своё эго и научиться сотрудничать друг с другом.

Карина Сарсенова

– У нас считается, что работать на чужого дядю – это плохо. Люди открывают свой бизнес, берут кредиты и разоряются. Потому что быть лидером способны не все. Как и быть

режиссёром. И быть хорошим исполнителем так же ценно, как и быть хорошим лидером.

Сара Уилсон

– Раньше мы верили, что существует только 9 планет в космосе. И мы считали, что все жанры открыты. Но горизонты для открытий всегда есть.

Карина Сарсенова

– Профессионализм и стремление ломать шаблоны приводят к созданию новых горизонтов. Я вам желаю делать новое кино!

Сара Уилсон

– Казахстан меня на это благословил.

Карина Сарсенова

– Я желаю вам хороших съёмок. И ждём вас на нашей передаче «Избранный». Вы мне дали новый заряд вдохновения. Удачи вам!

Друзья! Мы с вами живём в замечательное время! Это время открытий самих себя! Если мы позволим нашему вниманию проникать за пределы рамок и стереотипов, всё невозможное становится возможным. Я желаю вам прожить удивительную и нестандартную жизнь. Будьте счастливы и оставайтесь с нами. Спасибо.

Ливан Ламинашвили

дизайнер

Карина Сарсенова

– Добрый вечер, дорогие друзья. В современном мире жить очень нелегко. Но, несмотря на все сложности и перипетии нашего времени (хотя эти же трудности вставали на пути людей всех эпох), сознание человека меняется к лучшему. Не верите? Сравните образ жизни и социальные законы средневековья и нашего периода. Деяния, совершенно обычные для людей несколько веков назад, категорически не воспринимаются нормой нашими современниками. По крайней мере, большинством из них. Люди утончаются энергетически, психологически. Люди утончаются в процессе познания красоты, в способах получения удовольствия, в самом понятии – что же такое удовольствие, где его обрести. В средние века удовольствием считались еда и напитки, развлечения низкого качества. В наше время всё больше внимания как источник наслаждения привлекает искусство. Образование людей повышается, искусство становится более доступным, более понятным, более нужным, а значит, более широко и заметно выходит в народ.

В творчество уходит всё больше людей из других профессий. И это замечательно! Человек, правильно проходя

свой жизненный путь, непременно утончается и обнаруживает потребность в создании новых форм красоты. И тем самым делает наш с вами мир добрее и духовнее. Как, например, гость сегодняшней передачи «Избранный» – гениальный предметный дизайнер Ливан Ламинашвили. Тот самый дизайнер, благодаря усилиями которого становится прекраснее не только Грузия, но и весь мир!

Добрый вечер, Ливан!

Ливан Ламинашвили

– Добрый вечер!

Карина Сарсенова

– Мы с Алиханом сидим на креслах вашего дизайна?

Невероятно удобные!

Ливан Ламинашвили

– Да...

Карина Сарсенова

– Ливан, меня поражает ваше мировосприятие! Вы создаёте красивейшие предметы интерьера из совершенно неказистых объектов повседневности. Но почему вы вкладываете ваши познания в архитектуру, вы ведь архитектор, почему в предметный дизайн, а не в интерьерный или ландшафтный?

Ливан Ламинашвили

– Искусство, как говорил Эйзенштейн, это дорога назад, дорога, усеянная камнями. Чтобы искусство воздействовало, надо вернуться к истокам. А истоки жанрово не разделены. Искусство раннего человечества – это совокупность ри-

туалов, где люди пели, танцевали, что-то изображали, надевали маски. Искусство было функциональным. И во время Возрождения мастера рисовали функциональные вещи. И поэтому я думаю, что дизайн и архитектура очень тесно связаны. Есть общемировая тенденция: чем меньше у предмета утилитарного назначения, тем более он ценен как произведение искусства. У меня это связано друг с другом: вещь может быть функциональной и быть произведением искусства. В дизайне есть два направления: коммерческий и коллекционный. В первом случае ты стараешься создать как можно больше копий и заработать как можно больше денег. Во втором случае ты должен продать как можно меньше (не больше 20) копий произведений. Моё направление – галерейное.

Карина Сарсенова

– Можно ли любое галерейное искусство перевести в режим создания бессчётных копий, то есть в искусство коммерческое? Как от этого уберечься и сохранить чистоту творчества подлинной красоты?

Ливан Ламинашвили

– Я не думаю, что вот этот, к примеру, баллон можно продать в количестве большем, нежели 20 штук. Мало людей, кому высокое искусство понравится.

Карина Сарсенова

– Кто эти люди? Галеристы?

Ливан Ламинашвили

– Да, коллекционеры, галеристы, люди, которые инвести-

руют в высокое искусство. Это не люди, которые думают на нём быстро заработать. Но искусство для них – это инвестиции. И мечта каждого художника – попасть в музей, где хранятся избранные произведения искусства. Я сам культурный дарвинист.

Карина Сарсенова

– Что это значит?

Ливан Ламинашвили

– Я считаю, в музей попадают лучшие произведения лучших производителей искусства – или не попадают никогда.

Карина Сарсенова

– Ваши произведения есть в музеях?

Ливан Ламинашвили

– Пока их нет. Для своих работ я выбрал очень краткие формы, как японские стихотворения хайку и танку. Я дизайнер-танкист.

Карина Сарсенова

– Интересно. Но давайте на примере вашего произведения искусства обозначим суть темы. Вот выбранный вами канализационный люк. Вы что-то с ним сделали. Что вы хотели этим сказать?

Ливан Ламинашвили

– Этот люк отсылает нас к произведению Марселя Дюшана «Писсуар». Он ввёз утилитарную вещь в музей. Такая вещь может стать высокой. Если он ввёз эту вещь в музей, не означает, что вслед за ней можно отвезти все вещи в музей!

Для меня этот люк – очень красив. Я сразу представил, как он будет блестеть, если он будет золотым. Или серебряным. Или медным. Он меня обворожил эстетически. Но в первую очередь я хотел просто пошутить.

Алихан Мусатаев

– Как у вас рождаются идеи?

Ливан Ламинашвили

– У меня есть семь различных техник, когда я работаю над новыми вещами. Первая – это вещи вербальные. Я читаю, перебираю, обращаю внимание на фразы, которые имели бы пространственный смысл. Например, штанга и гантели. И я взял самые дорогие книги, сделал в них дырку и сделал штангу. На эту идею меня подвигло высказывание: знание – сила. Чтобы обрести знание, надо качаться.

Или, например, из последних работ. Я почему-то вспомнил битву с быком. Копьё пронзает тело и голову животного. И я придумал светильник, в котором голова быка, стилизованная, в очень минималистичной форме, из неё выходит освещающая сабля. Всё выполнено в минималистичном стиле.

А вот, посмотрите, светильник, реализующий идею тотального освещения. Он охватывает всё пространство. Место для торшера, для люстры, для бра. Он подходит для каждой комнаты, подстраивается под запросы любого помещения. Я делаю дизайн для каждого клиента индивидуально.

Алихан Мусатаев

– Расскажите о ваших произведениях искусства – очках!

Ливан Ламинашвили

– Они создаются во многом благодаря технике, которой я владею. Это «ошибки дизайнеров». Я ищу ошибки других дизайнеров.

Карина Сарсенова

– И что вы с ними делаете? Используете или утрируете?

Ливан Ламинашвили

– Я их использую в таком виде: не надо было делать так, надо было сделать по-другому. Не надо делать просто очки. Их надо делать и как очки, и как браслет, и как браслет на ноге, и как ремень. Для завязывания волос. Как ожерелье. Можно менять стёкла. Они полифункциональны. Для меня очень важно расширять границы. Идти туда, куда обычные люди не заходят. Для меня не важен акцент, но важна периферия, где искусство сливается с другими профессиями. В прошлом году я получил итальянскую награду за очки, которые не надо носить, чтобы видеть. Они нужны для того, чтобы не видеть. Их можно надевать на карнавал, чтобы показать красоту лица и тела.

Карина Сарсенова

– Очки из бетона вашего дизайна: они носибельны? Или один раз их надел, да так и остался сидеть?

Ливан Ламинашвили

– Носибельны. Один американский дилер в восторге от них. Они весят около 150 грамм. В них заливается армиро-

ванный бетон. Я изготавливаю ожерелья, кольца из серебра, но по подобию арматуры. Арматуры в бетоне. Армированный бетон. Строительная эстетика.

Алихан Мусатаев

– Что вас вдохновляет?

Ливан Ламинашвили

– Я хочу узнать себя. Всё, что я делаю, – это мой автопортрет.

Алихан Мусатаев

– Сколько времени уходит на создание одной модели?

Ливан Ламинашвили

– От нескольких месяцев до нескольких лет. Прототипы я выдерживаю месяцы и годы, чтобы произвести селекцию и отсеять ненужное. Стулья, на которых вы сидите, я делал три года. Они сделаны из фасадных подконструкций.

Карина Сарсенова

– Ливан, вы делаете предметы для частных коллекций или в виде одиночных произведений искусства?

Ливан Ламинашвили

– Меня часто упрекают, что мои работы не связаны между собой. Это правда. Я стараюсь делать вещи, которые можно расширить. Я стараюсь рождать не вещи, а парадигмы. И если это будет интересно, я потом буду делать не вещи, но коллекции. В этом году я сделаю вещи и покажу, как можно их расположить.

Карина Сарсенова

– Ваши вещи – лидеры. Ваши вещи не терпят дополнения к себе. Они солируют!

Ливан Ламинашвили

– Я надеюсь создать симфонию вещей.

Карина Сарсенова

– Может быть, надо сделать связки между вещами? Как между музыкальными сценами в моём театре «Триумф»?

Ливан Ламинашвили

– Да, и получится гармония. Надеюсь, с моими вещами это и произойдёт.

Алихан Мусатаев

– Каковы ваши планы на этот год?

Ливан Ламинашвили

– Достичь успеха. Чтобы после моей смерти значимое издание выпустило книгу в мою честь. В мире дизайна есть много профессий: критики, дилеры, блогеры, дизайнеры. И если много работать, вы займёте своё место. Я не смогу сделать дизайн машины или дизайн мобильного телефона. Я – предметный дизайнер. Некоторые вещи терпят увеличения, некоторые нет.

Карина Сарсенова

– Ливан, какой он, современный грузинский мужчина? Диктатор или партнёр?

Ливан Ламинашвили

– Он разный. Мировые тенденции отражаются и на Грузии.

Алихан Мусатаев

– Кто ваш учитель?

Ливан Ламинашвили

– Их очень много. Современники и люди, давно умершие.

Карина Сарсенова

– Ваши дети идут по вашим стопам?

Ливан Ламинашвили

– Старший – да. Он талантливый дизайнер. Младший сын думает...

Алихан Мусатаев

– Что бы вы посоветовали самому себе?

Ливан Ламинашвили

– Я бы постарался не совершать ошибок, которые совершил. Было всё. Что-то можно исправить. Что-то исправить невозможно. Не из всех ошибок можно сделать выводы.

Карина Сарсенова

– Ваши произведения искусства прекрасны. Они наполнены вашим сознанием, вашей мыслью. Я желаю вам бесконечного вдохновения и поддержки со стороны благодарного зрителя!

Луарсаб Тогонидзе

дизайнер

Карина Сарсенова

– Добрый вечер, дорогие друзья! Тот человек будет состоятелен в науке или искусстве, который искренне любит свой народ, почитает и уважает его традиции, пронесит его деятельность в этот мир. И сегодня в гостях у передачи «Избранный» человек экстраординарный. Яркий, лучший дизайнер народных костюмов в Грузии! Винодел! Ресторатор! Встречаем – Луарсаб Тогонидзе! В вашем лице к нам снизошёл настоящий грузинский князь!

Луарсаб Тогонидзе

– Я люблю Грузию как часть всемирного наследия! И хочется ею поделиться! Я волнуюсь и очень рад, что вы нашли время посетить наш магазин!

Карина Сарсенова

– Мы хотели бы отметить вас за особые заслуги! За ваш особый вклад в развитие материковой Евразии, за сохранение и поддержание её корней вы, по решению жюри, награждаетесь Евразийской международной премией!

Луарсаб Тогонидзе

– Это очень важно для меня! Прекрасные люди, которые здесь работают, заслуживают эту премию!

Карина Сарсенова

– От вас, от ваших костюмов исходит такая любовь, ею непроизвольно заряжаешься. Мы продвигаем фольклорные проекты и тоже любим нашу Родину. Давайте расскажем о вашем костюме.

Луарсаб Тогонидзе

– Он называется ахалухи. Он был популярен в восточной Грузии. На него надевалась чоха. Но сейчас можно обойтись без него. Есть мужские и женские ахалухи. Разной длины. Вот этот головной убор был популярен в восточной Грузии. Раньше он являл собой социальную принадлежность. Это летний головной убор. Есть старинный кинжал из провинции северо-центральной Грузии, там производятся эти кинжалы, там жили мои предки, там все поют.

Карина Сарсенова

– Луарсаб, что заставляет вас отдавать душу создаваемым вами предметам?

Луарсаб Тогонидзе

– Это началось в детстве. Это были фотографии в конце 80-х, которые открыли для меня новую Вселенную. Я любил навещать пожилых людей и послушать их истории, посмотреть их фотографии. И я видел, как бабушка показывала фотографии из юности. И я начал их собирать. Больше как историю. И однажды я смог с помощью фотографий расширить свою жизнь. Я записывал впечатления. Я думал: эти люди скоро уйдут и заберут с собой все свои секреты. И я

начинал записывать голос и показывать фотографии. И они рассказывали, что и где было снято. У меня есть сотни часов записей, я записывал их в течение 25 лет. Потом, когда я был студентом в Лондоне, я одевался неожиданно красиво, в национальных тонах. В Лондоне бывали праздники. Собирались грузины, и это выделяло нас... С этого всё началось.

Карина Сарсенова

– Чему вы обучаете в вашей школе? Знанию специфики национальных костюмов Грузии? Или умению интерпретировать национальную идею в костюме?

Луарсаб Тогонидзе

– Школа находится на начальном этапе, сейчас происходит изучение теории. Не хватает времени, чтобы создать это море красоты. Идёт техническая учёба. Мы говорим: Кавказ. Но он очень маленький. У всех уголков Грузии есть своя эстетика. В горах одно, в морских ареалах – другое. Огромная палитра красок, её хватит многим дизайнерам. Люди раньше были очень близки миру. Сейчас мы от мира отделяемся. У нас есть фотографии артефактов, музейных материалов и возможность наблюдать, как изменилась мода Грузии до сороковых годов. Костюмы всегда связаны с танцами и песнями. Мне сложно конкретно ответить, какова моя профессия. Ресторатор, издатель. Мы хотим издать фотографии Грузии, снятые иностранными фотографами.

Алихан Мусатаев

– Насколько вам сейчас интересно выйти на мировой ры-

нок с вашей одеждой?

Луарсаб Тогонидзе

– Мы никогда не будем терять качество в угоду коммерции. Я опасаюсь поспешить и навредить. Есть в национальных костюмах аура благодати. Надеюсь, что-нибудь реализуется. Я обещаю, очень скоро вы увидите в высшей моде кавказское, грузинское влияние. Наше достояние принадлежит всему миру, и все люди должны наслаждаться этой красотой. Есть время, когда творческий человек ожидает, а есть время творить красоту. Главное, креативный процесс должен быть честным.

Карина Сарсенова

– Что значит – быть честным?

Луарсаб Тогонидзе

– Создавать не только форму, а творить то, во что ты веришь. Должна быть какая-то мистика. Нельзя только копировать. У нас в Грузии есть дизайнеры, которые просто копируют. Копии плохо сделаны. Но, если тебя копируют, значит, ты на правильном пути. Я сам этнограф. В нашей студии работает группа людей. Есть художник по сценическим костюмам. Есть дизайнеры, есть мастерская вышивки, кожаных изделий, мужской и женской одежды. Наша фабрика находится за городом.

Карина Сарсенова

– Я вижу на прилавке очень красивые украшения. Они антикварные или это новодел?

Луарсаб Тогонидзе

– Большинство антикварные. Приносят люди, мы сами приобретаем. Все изделия очень уникальные. Но есть и новодел. Мастера делают ремни, кинжалы, украшения. Но главное – интерес к ним растёт.

Карина Сарсенова

– Почему вы занялись вином, ведь вы специалист по фольклору?

Луарсаб Тогонидзе

– Вино тоже пришло из детства. В детстве я с родителями жил в доме с виноградником. Сейчас я приобрёл участок в западной Грузии, и мы хотим возобновить виноделие. Вино – это сказка, благословение или проклятие. В христианстве много лет назад началась культура виноделия. Наша культура пропитана вином. Это не просто способ получения опьянения. Это культура. Это общение, это социальное взаимодействие. В каждом уголке Грузии есть свои сорта винограда. Есть более пятисот сортов грузинского вина.

Сейчас происходит возрождение грузинской винной культуры. И я – часть этого процесса. Наша компания называется «Слёзы фазана». Вино должно быть чистым, безо всякой химии даже во время выращивания винограда. Конечно, такие виноделы получают меньше готового вина. Но эту часть винной культуры надо развивать. Например, сейчас существует редкое янтарное вино. Это белое вино, но делается вместе с соком из жмыха. Это старинное вино, и интерес к нему

растёт. В нём содержатся полезные витамины и тонины, которые убивают раковые клетки. Они помогают переваривать тяжёлую пищу.

Карина Сарсенова

– А экспортируете ли вы виноградную лозу из Франции, Италии?

Луарсаб Тогонидзе

– Конечно! У нас есть большое содружество, международное. И часто мы посещаем винные выставки. Многие виноделы из Европы приобрели грузинские национальные сосуды, кувшины, которые зарываются в землю, и в них делают своё вино. Чем отличается Грузия? Из нашего региона начинается мировая агрикультура виноделия. В Грузии не было ни одного года, когда бы не выращивали виноград и не делали вино.

Карина Сарсенова

– Поделитесь секретами винопития. В странах, где развито потребление вина, та же самая Франция, очень низок процент алкоголизма.

Луарсаб Тогонидзе

– Грузинская культура требует не злоупотреблять вином. Надо закусывать, говорить тосты, петь песни. Наши застолья – это прежде всего разговоры и песни. Это обсуждения разных тем, даже философия. Песни, рождающиеся во время застолья, запоминаются и уходят в народ. Люди контролируют друг друга, чтобы не пьянеть.

Мой дедушка говорил: когда ты пьёшь вино во время праздника, волнами приходит наслаждение. Первое наслаждение, большая волна, идёт и превращается в стихи и тосты. Потом идёт вторая волна, она обманчива. Она говорит, что ты должен удвоить вино. И наслаждение удвоится. Но нет! Надо не удвоить, но уменьшить количество вина!

Карина Сарсенова

– Давайте поговорим о вашем чудесном ресторане. С чего всё начиналось?

Луарсаб Тогонидзе

– Мы познакомились с прекрасными виноделами. Они умели выращивать виноград и делать вино. Но они не знали, как и где его продавать. Мы помогли владельцам ресторана познакомиться с этими людьми. И на месте в городе, которое принадлежит нашей семье, сделали дегустационный зал. Но вино нельзя полностью понять без грузинской кухни. Грузинское вино нужно сопровождать кухней. И так родился наш ресторан. Мы решили не повторять типичное меню. У нас есть большое преимущество: во время исследования информации по одежде мы собирали рецепты блюд. Мы покупаем только фермерские продукты. Живое вино и здоровая пища.

Карина Сарсенова

– И какие блюда являются гордостью вашего ресторана?

Луарсаб Тогонидзе

– Главные – сезонные.

Карина Сарсенова

– Авторские блюда?

Луарсаб Тогонидзе

– Конечно! Авторский дух, даже при наличии строгого рецепта, всегда должен быть свободен. В рецепте всегда остаётся место для творчества. Иначе блюдо умирает. Несвободное творчество мертво. Дух искусства, свободный дух – главный ингредиент любого рецепта.

Алихан Мусатаев

– Расскажите о вашей семье.

Луарсаб Тогонидзе

– Моя жена и мои дочери поют. Они творческие личности, как и я!

Алихан Мусатаев

– Есть ли семейные традиции, которые передаются в вашей семье из поколения в поколение?

Луарсаб Тогонидзе

– Не забывать о нашем семейном гнезде, о родовом доме. Через несколько дней я собираюсь его навестить с супругой. Есть традиция собираться там всей семьей 27 августа. А также сохранять традиции песни и танца.

Алихан Мусатаев

– У вас брутальная внешность, но такие добрые глаза! О чём вы мечтаете?

Луарсаб Тогонидзе

– Я мечтаю создать музей костюма. У меня уже есть экс-

понаты. Я хочу сделать реплики из рукописей XII–XIII века, костюмные реплики. Это был бы очень интересный эксперимент. Главное, показать, что старинная культура Грузии ещё живёт. Чтобы молодёжь смогла всё это увидеть и проникнуться.

Карина Сарсенова

– Процветания вам, пусть все ваши мечты и планы сбываются и реализуются!

Луарсаб Тогонидзе

– Передайте нашу любовь вашему прекрасному народу! Давайте построим мосты любви между нашими сердцами!

Сергей Шабунин

дизайнер

Карина Сарсенова

– Наш мир держится на творческих людях. Как можно столь смело об этом заявлять? Сейчас я вам это с лёгкостью докажу. Всевышний ежесекундно создаёт наш мир, и ни одно мгновение не повторяет другое, ни в одну реку невозможно войти дважды! Через творческих людей Бог снова и снова воссоздаёт и наш мир, и нас с вами. И особую милость Творец даёт душам, способным воспринимать и проводить Высшую красоту: душам художников и дизайнеров.

Итак, встречайте: в гостях у телепередачи «Избранный» – гениальный дизайнер одежды Сергей Шабунин! Добрый вечер, Сергей! Я недавно была на вашем показе и до сих пор пребываю под чарами вашего волшебства! Как вы создаёте такую красоту? Это результат многомесячного труда, или же образы сами врываются в ваше сознание?

Сергей Шабунин

– Творить – это как дышать. Когда ты понимаешь, как дышать, тогда это само по себе складывается. Когда ты занимаешься тем, чем ты должен заниматься, всё происходит само по себе.

Карина Сарсенова

– Если бы у вас был выбор, как прожить жизнь, до вашего появления на этом свете, вы бы выбрали снова прожить её как дизайнер?

Сергей Шабунин

– Да, в любом случае! Я безумно люблю свою профессию, и я безумно люблю свою работу!

Антон Митнёв

– Почему? Вас воодушевляет полёт фантазии?

Карина Сарсенова

– Это приносит огромные деньги?

Сергей Шабунин

– Нет, это не приносит огромных денег. Хотя мир моды – достаточно богатый мир. В казахстанских реалиях это небольшие деньги. Почему я занимаюсь этим? Мне нравится делать людей счастливыми. Когда ты видишь, как женщина становится красивой и светится изнутри, это вдохновляет.

Антон Митнёв

– А бывает так, что платье красивее женщины?

Сергей Шабунин

– Значит, это не её платье. Женщина должна быть красивее платья.

Карина Сарсенова

– Сергей, вы уже меня сделали счастливой вашим триумфом в Париже! Там ваша коллекция имела сногшибательный успех.

Сергей Шабунин

– Мы показали её в и июле. Получили приятные отзывы. И нас пригласили с новой коллекцией в январе.

Антон Митнёв

– Вы сказали, что ваша профессия не приносит больших денег. Почему?

Сергей Шабунин

– Мы маленькая страна. Вся проблема дизайнеров – в отсутствии серьёзных инвесторов. Продвижение модного продукта – очень затратное мероприятие. Создание одного показа требует больших денег. Создание одного продукта требует больших денег. Ты создашь вещь, её увидят твои друзья. Но дальше вещь не будет продвигаться.

Антон Митнёв

– Если вложиться в вещь и в её раскрутку, насколько это будет окупаемо?

Сергей Шабунин

– Пятьдесят на пятьдесят! В любом бизнесе есть риски. Как вещи становятся модными? Они появляются на медийных лицах. И малоизвестный дизайнер должен заплатить, чтобы его вещь надело медийное лицо.

Карина Сарсенова

– А насколько срабатывает такая реклама?

Сергей Шабунин

– Она срабатывает. Невозможно на сто процентов быть уверенным, как пройдёт. Мы все работаем, чтобы зарабатывать деньги. Их количество позволяет качественно жить.

Антон Митнёв

– И как всё происходит дальше? Выставки?

Сергей Шабунин

– Как работает схема в модном бизнесе? Не обязательно сначала делать показы. Надо заявлять о себе. Какой путь вы выбираете? Как мы начинали? В модном бизнесе я очень давно, уже 28 лет. И только два года назад пошли сдвиги. Я вкладывал большое количество денег и терпения. И понял, надо отвечать на вопрос: чего ты хочешь достичь – денег, популярности? Если вы хотите заработать много денег, займитесь чем-нибудь другим. Есть много сфер, где можно заработать деньги. Выбрав дизайн одежды, вы должны заниматься этим со всей отдачей. Это как дышать.

У меня бывает так. Когда я уезжаю из страны по делам на две-три недели, через неделю у меня начинают чесаться руки: я хочу сесть за машинку и делать, делать, делать! Хочется работать, взять ножницы, взять иголки. Когда я создаю коллекцию, я не делаю её в стопроцентном расчёте на коммерческий успех. Я её делаю, как чувствую изнутри. Меня прёт.

Антон Митнёв

– Но вы вкладываете в коллекцию какую-то конкретную мысль, сюжет?

Сергей Шабунин

– Естественно. Коллекция рождается не просто так.

Антон Митнёв

– А что служит вдохновением?

Сергей Шабунин

– О, вдохновением служит всё что угодно! Цвет, запах, вкус, событие... Встал рано утром, увидел солнце в окне... Это необъяснимо, откуда вдохновение приходит. Достаточно поговорить с кем-то, и тебе в голову приходят какие-то мысли.

Возвращаюсь к нашим баранам, как схема работает... Приехав в Алма-Ату 17 лет назад (я не алмаатинец), малоизвестный мальчик потихоньку начал взбираться. Стали с моей командой участвовать в Алматы Fashion Week в первом сезоне. Сделали хорошую, коммерчески успешную коллекцию. Хорошие вещи с хорошим качеством, но её никто не запомнил. И мы решили: чтобы тебя запомнили, нужно создать вау-повод. Следующую коллекцию мы уже сделали более экстравагантную, более авангардную, после чего о нас заговорили. На протяжении ряда сезонов мы делали либо странный трек, либо странную постановку, либо странные вещи. Запомнились таким образом.

После этого пришло понимание, что хочется на коллекциях зарабатывать. Потому что на экстравагантных коллекциях ты не зарабатываешь, ты вкладываешь, ты просто играешься. Мы получили приглашение на выставку в Барселону. В 2010 или 2011 году сделали хорошую, продуманную коллекцию. На казахстанской неделе моды она имела успех. Она была коммерчески востребованной. Мы вывезли её на барселонскую выставку.

Антон Митнёв

– И как прошло?

Сергей Шабунин

– Вы знаете, не пошло.

Карина Сарсенова

– Но почему?

Сергей Шабунин

– Прежде всего, вероятно, потому что о Казахстане мало что известно. Казахстан как таковой в мире не знают. Казахстан, может быть, знают в геополитическом плане – как ресурсную страну. Но не знают как страну, которая может продавать вкус, продавать хорошую одежду. У нас были какие-то разговоры, предварительные договорённости, но всё заглохло. На следующий год мы получили приглашение от парижской выставки моды. Механизм заработал. Нас увидели люди, которые работают в модной сфере. Нас начали приглашать. Мы прилетели в Париж с осенне-зимней коллекцией. Выставка проходила в центре Порт-де-Версаль. Это огромный выставочный комплекс, там были представлены пять с половиной тысяч брендов. Очень легко было затеряться. Но владельцы выставки делят пространство так: промышленные коллекции, креативные коллекции, дизайнерские коллекции, всё специализированно. И люди, посещающие выставку, знают, куда идти. На эту выставку не приходят посторонние люди. Приходят владельцы магазинов, владельцы шоу-румов, те люди, которые зарабатывают на мире мо-

ды. Мы были интересны. Посмотрели наши вещи. Всё очень понравилось. Но когда разговор доходил до вопроса «Откуда вы?», я отвечал: «Казахстан». В ответ слышал: «Так, Казахстан... Знаем Пакистан, Афганистан. Казахстан не знаем». Всё. Интерес к нам начинал угасать. Мы получили небольшой контракт, который хорошо отработали. Всё.

Мы спросили, почему так. Нам ответили: «У вас вечный форс-мажор, нет стабильности. Вы постоянно от чего-то зависите. То ткань не пришла, то таможенные законы изменились, то одно, то другое препятствует выполнению обязательств». Наверное, эти люди сталкивались с проблемами со стороны казахстанских дизайнеров.

Второй сезон на этой же выставке. Нас случайно, по ошибке, поставили под французский флаг. Всё прошло на ура! После выставки к нам пришло предложение от французской палаты моды. Они в нас хотели вложить деньги. Под очень скромные проценты. Одно условие: на нашем предприятии должно работать 95 процентов французов.

Когда мы начинали, конечно, на всё реагировали, соглашались с предложениями. Но во всём следует отделять зёрна от плевел. Надо понимать, куда двигаться. Показать можно везде. Но каков выхлоп? Какая отдача будет?

Карина Сарсенова

– Поэтому вы почти не участвуете в неделях моды? Кроме алма-атинской недели моды?

Сергей Шабунин

– У нас там уже некий клуб, междусобойчик. Все вместе начинали, все друг друга знают... Для меня участие в казахстанских неделях моды никакого смысла не имеет. Ты вкладываешь много денег в то, что делаешь, и получить за это, пусть даже не финансово, но две-три заметки в четыре слова в каких-то статьях – это грустно.

Антон Митнёв

– Однако вы не меняете страну. Вы продолжаете жить и работать в Казахстане.

Сергей Шабунин

– Я продолжаю, да. У меня нет такого понятия – жить именно здесь. Я очень много путешествую. Для меня не составляет труда, когда мне грустно, куда-нибудь поехать. И я надеюсь, что однажды оставят в покое работающих людей, не будут им мешать. Всё встанет на свои рельсы.

В Казахстане в моде всего три-четыре профессии. Раньше модно было становиться певцами, певицами, танцорами. Сейчас все дизайнеры! Дизайнер интерьера, дизайнер одежды. И это очень портит качество. Люди, которые занимаются дизайном профессионально, должны этим заниматься. Когда непрофессионалы каким-то образом получают возможность по госканалам выехать за рубеж и везут туда некачественный продукт, то всё, что ты нарабатываешь годами, очень долгое время на этом пространстве, сразу начинает падать.

Антон Митнёв

– Вы предлагаете государству осуществлять более скрупулёзный отбор дизайнеров?

Сергей Шабунин

– Государству просто не надо вмешиваться! Скажем так: пусть государство предоставляет экономическую поддержку. Точно так же, как это было в Италии после войны. Италия после войны пребывала в разрухе. И правительство выделило серьёзные гранты для поднятия лёгкой промышленности. И в послевоенное время Италия за короткий срок поднялась, и сейчас существует бренд «Мабе in Italy». Этот бренд говорит о качестве во всём.

Карина Сарсенова

– Сергей, а с Россией вы сотрудничаете?

Сергей Шабунин

– Я считаю Россию совершенно немодной страной. Казахстан намного моднее. То, что я там вижу, всё, воплощаемое дизайнерами, оно немодное! Такое ощущение, что российские дизайнеры остались в глубоком советском прошлом. Иначе и не объяснить, зачем делать платья с барахолки. Очень маленькое количество российских дизайнеров делают что-то интересное. Я не понимаю, как можно сделать халат а-ля фабрика «Большевичка». И сказать: купите его, это дизайнерская вещь... Я просто не понимаю... Мы заходили на рынок России. Но Россия не одевается ярко. Казахстанцы намного стильнее, чем россияне.

Карина Сарсенова

– Почему же в Казахстане одеваются более ярко?

Сергей Шабунин

– Теплее. Казахстан – это одна из немногих стран, где всё перемешано. Смешение культур рождает людей, которые воспринимают мир уникально. Мы чувствуем по-другому.

Антон Митнёв

– Когда вы рассматриваете другие коллекции, что может вас зацепить?

Сергей Шабунин

– Новое... Не новое в форме, а новое в ощущениях... Нового в форме придумать уже невозможно. Я испытываю радость, когда старая вещь читается по-новому. И когда в ответ появляется море эмоций. Или стилист сделал показ таким интересным, что ты понимаешь всю философию. Чувствуешь ДНК этого дома моды. Мода – это образ жизни. Это сказка, когда ты окружаешь себя красивыми вещами.

Карина Сарсенова

– Мода – это отношение к жизни?

Сергей Шабунин

– Это отношение к жизни. Если ты окружаешь себя красивыми, правильными вещами, восприятие жизни становится другим.

Антон Митнёв

– Ваши последние коллекции, о чём они?

Сергей Шабунин

– О сильных женщинах. О женщинах-богинях. О тех жен-

щинах, которые идеальны во всём: начиная от фигуры и заканчивая духовным миром. Мой коммерческий директор мне говорит: «Ты делаешь одежду, которую не все наденут. Не все осмелятся надеть очень яркие вещи». В моих платьях очень много цвета, они собраны из разных материалов. В Казахстане мой бренд выживает только в режиме частного заказа. В режиме ателье. Ты работаешь с клиентом и на заработанные деньги можешь делать то, что тебе нравится.

Карина Сарсенова

– Сергей, а вы принимали участие в создании образов для кино, для театров?

Сергей Шабунин

– Ещё ни разу такого не было, чтобы меня попросили создать костюмы для спектакля... Мне это было бы интересно... У меня такого опыта не было. Но я бы за это взялся. Дизайнер одежды и художник по костюмам – это совершенно разные вещи. Художник по костюмам должен досконально знать историю костюма. Моё производство достаточно дорого. Я не хочу использовать некачественные ткани и фурнитуру. Профессионал стоит дорого.

Антон Митнёв

– А шаг в сторону массового заказа?

Сергей Шабунин

– Я себя не вижу в масс-маркетах. Я себя вижу в том деле, как работали дома моды в послевоенные времена. Тогда был бум. Они делали линейку. Клиент приходит и говорит:

это мне нравится. Отшивается. Масс-маркет для меня неинтересен. Я за эксклюзивность. Пусть моих платьев будет 10 штук. Но это будут лучшие платья. Я всегда слушаю клиента. Я сначала делаю, как он хочет. Когда клиент остаётся постоянным клиентом, я начинаю ему диктовать. Иногда иду ва-банк. Говорю: не понравится, мы делаем вам новое, как вы хотите. Пока не пролетал. У меня есть любимая клиентка, это моя муза. Это тот человек, который готов носить мою одежду. Когда она ко мне пришла, кроме брюк, она ничего не носила. Мужского покроя пальто. И сейчас она носит платья. Узкие юбки. Она специально худеет для моих вещей. И она внутренне изменилась. Она стала интересной, яркой.

Мужские коллекции я не делаю. Там ничего нового не добавить. Мужчина должен оставаться мужчиной. Неважно, какая у вас фигура. Важно, какой у вас костюм.

Карина Сарсенова

– Фишка вашего творчества?

Сергей Шабунин

– Одежда для совершенных женщин. Я очень сожалею, что ушла эпоха див. Когда ты смотришь на женщину и таешь перед ней. Она настолько прекрасна... Сейчас эпоха масс-маркета. И я пытаюсь сделать так, чтобы дивы появились. Те женщины, глядя на которых, когда они проходят мимо, все замирают.

Сейчас мы подписали договор с шоу-румом, который будет представлять нас в Италии. Мы наконец-то входим в

один из старейших шоу-румов Милана. В нём представлены серьёзные бренды. Ну а дальше: работать, работать, работать! Планов громадье! Было бы в сутках не 24 часа, а 48, и то их, наверное, не хватило бы!

Карина Сарсенова

– Мне кажется, хороший ход для дизайнера – пробиться и одеть героев какого-нибудь фильма!

Сергей Шабунин

– Пока такого предложения не поступало. Одевать тоже надо хороший фильм! Не проходной, а кассовый. Обожаю Ринату Литвинову. Одна из немногих женщин, живущих сейчас, которая может претендовать на звание дивы. В её фильмах очень много эмоций. Но эти фильмы смотришь не так, как обычное кино. Их собираешь как пазл. Этот человек рассказывает некую историю и старается наш мир показать другим. Хорош он или нет – право выбора за зрителем. Для такого фильма я бы поработал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.